

Содержание

Предисловие к 4-му изданию.....	5
Введение	9
Первое испытание: «однородное социалистическое правительство» глазами рабочих.....	13
Протестные настроения в рабочей среде в 1918 году.....	30
Рабочий протест и традиционные пролетарские организации.....	51
Петроградское движение уполномоченных от фабрик и заводов	72
Новые центры движения уполномоченных.....	100
Два дня в июле: московский Рабочий съезд.....	124
...Умрем в борьбе за это!.....	149
Зигзаги «третьего пути»: политика повстанческой власти в Ижевске	165
Разлом: большевики на краю пропасти.....	198
«Новая эксплуатация пролетариата»? От нэпа к сталинской индустриализации.....	224
Вместо послесловия: рабочий протест в СССР и Российской Федерации конца XX века: историософская ретроспектива.....	253
ПРИЛОЖЕНИЯ. Документы	270
I. ДОКУМЕНТЫ ВЧК–ФСБ ПО ДЕЛУ О ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО РАБОЧЕГО СЪЕЗДА	270
Из протокола XVI заседания чрезвычайного собрания уполномоченных Петрограда	270
Из протокола первого заседания временного организационного бюро по созыву рабочей конференции Москвы.....	272
Информационное письмо Организационного Бюро по созыву Рабочего съезда	273
Устав Рабочего съезда Центральной и Северной областей.....	274
Обращение организационного комитета по созыву Рабочего съезда.....	276
Ко всем рабочим России	278
«Наказ делегации к Московским рабочим.....	279
Обращение арестованных участников рабочего съезда.....	282

1-я конференция уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губ. в цифрах	284
Ко всем рабочим, профессиональным союзам и другим рабочим организациям	286
Ко всем рабочим Нижегород[одской] и Владим[ирской] губ[ернии]	288
Резолюция	289
Ко рабочим металлистам Ниж[егородской] губ[ернии]	290
II. К СОБЫТИЯМ НА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	292
Объяснительная записка К. Т. Чосткевича	292
Заявление месткома малый ремонтных мастерских Александровской железной дороги	294
Собрание рабочих и служащих Александровской железной дороги	296
Материалы следствия по делу о событиях 19 июня 1918 года	298
О собрании на Казанской железной дороге 17 июля 1918 года	304
III. МЫ СМЕЛО В БОЙ ПОЙДЁМ	306
Люди в рогожах	306
По материалам повстанческой прессы	315
Листовка левых эсеров с призывом к населению Петрограда	320
Список избранных работ автора по революционному и протестному движению российских рабочих	322

Предисловие к 4-му изданию

Представляемая моему читателю книга имеет для меня особое значение – это, пожалуй, единственная книга по рабочей истории которая, выдержала уже три переиздания и теперь готовится к четвёртому. Первое издание книги вышло ещё в 2007 г. и с тех пор я услышал в её адрес множество комментариев и замечаний. Помимо чисто научных, мне высказывали различные суждения идеологического и чисто вкусового свойства. Кому-то казалось, что автор книги – анархист и выступает против любой формы власти, кому-то казалось, что моя книга посвящена критике только большевистского государства, кто-то, наоборот, обвинял меня в этатистских и пробольшевистских настроениях. Проблема этих критиков в том, что им непонятен спокойный академический язык книги, поэтому они видят в ней не то, что написано автором, а то, что им хочется.

К сожалению, у меня нет ни желания, ни времени подробно отвечать всем своим критикам и советчикам. Поэтому в предисловии к новому переизданию моей книги я ограничусь, прежде всего, благодарностью своим читателям – настроенным и благожелательно, и критически; и внимательным и не очень; и вдумчивым и тем, кто любит приписывать авторам мысли, которые им на самом деле совершенно чужды. Так же, особенно настойчивым искателям скрытого политического смысла в любой прочитанной книге, я признаюсь – да, в своём исследовании я выступаю как историк-марксист. Можно сказать и более определённо – не будет преувеличением сказать, что я был и остаюсь продолжателем советской исторической школы, развиваю её лучшие традиции. Просто, подобно А. Грамши я не афиширую этого, а использую язык углублённых смыслов, которым можно выразить любую самую острую идею, не оскорбляя при

этом чувств своих читателей, даже если они стоят на совершенно других мировоззренческих позициях.

Должен так же ответить тем, кто обвиняет меня в «антибольшевизме», в раскручивании тем, «подрывающих веру молодёжи в советское прошлое» и т. д. Глубоко убеждён, что правда не может навредить светлому образу советской эпохи, идёт ли речь о читателе с опытом, или о совсем юном читателе, который только-только начинает свой путь постижения исторического прошлого нашей Родины. В отличие от десятков и сотен статей, в том числе некоторых моих критиков, написанных о рабочем протесте в Советском государстве исключительно с целью преувеличить антагонистичность рабочих к большевикам, обличить враждебность Советской власти к народу и т. д., моя книга показывает, как ситуация развивалась на самом деле.

И оказывается, что антибольшевистский протест в рабочей среде даже в самые тяжёлые для Советского государства моменты был не столь уж масштабен, что рабочие преимущественно выставляли не политические, а экономические требования. Политические требования возникали только тогда, когда рабочим хотелось посильнее испугать тех местных «начальничков», которые забыли о своём предназначении защищать интересы рабочего класса и всех остальных трудящихся Страны Советов. Эти политические требования чаще всего исчезали сразу же после того, как власть шла на встречу экономическим требованиям. А происходили такие уступки очень часто, гораздо чаще, чем попытки Советской власти действовать против рабочих с применением вооружённого насилия. Более того, местные «красные» бюрократы, повинные в обострении рабочего недовольства, не могли рассчитывать на поддержку центральных властей и нередко оказывались в тюрьмах, под следствием, теряли партбилеты, снимались со своих постов. Словом рабочие не могут рассматриваться как социальная группа, не принявшая Советскую власть. Наоборот, рабочий класс – российский революционный пролетариат – стал главной опорой Советской власти и большевистской партии.

В свою очередь Советская власть и партия большевиков-ленинцев делали всё, что было возможно в реальной поли-

тико-экономической ситуации 1917–1941 гг. для того, чтобы закрепить классовую гегемонию пролетариата в РСФСР / СССР, чтобы максимально улучшить материальные условия его жизни, повысить благосостояние и увеличить культурный уровень российских / советских рабочих. Другое дело, что время было сложным, и сделать что-то реальное для достижения заявлявшихся целей было очень и очень сложно. Но ведь делалось! Об этом можно почитать в других моих книгах и статьях, поэтому в данной, конкретной книге факт прочного единства Советской государственности, большевистской партии и рабочего класса не выпячивается на первый план, а проходит постоянным фоном, который не хотят видеть те, кто не привык глубоко обдумывать прочитанное. Неслучайно основной текст книги заканчивается оптимистически – в нём говорится, что, несмотря на некоторые недоразумения и обиды, советские рабочие в годы Великой Отечественной войны «смело встали на защиту Родины от внешнего врага». Вот царскому и Временному правительствам не удалось опереться на поддержку рабочих, и I Мировая война была ими проиграна из-за начавшихся в тылу сепаратистских движений, народных протестов, революций. А Советское правительство смогло сохранить свою родственную связь с советским рабочим классом, и СССР устоял в самой страшной в истории человечества войне. И не просто устоял, а победил. Плодами этой победы мы пользуемся до сих пор, долгие десятилетия спустя.

Да, Родина всегда имеет национальную форму, но лично для меня понятно, что содержанием Родины в 1941 г. был её советский и социалистический характер. Именно поэтому в книге говорится: «Знаменитый лозунг “Все для фронта – все для победы!” означал, что во время войны власть и общество стали единым целым для скорейшего разгрома внешнего врага». Если кто-то забыл, то в 1941 г. власть в СССР была Советской, а во главе государства стояла ВКП (б), которую возглавляли вполне конкретные исторические деятели. Лично я об этом не забывал никогда. Но научная или даже научно-популярная по содержанию (пусть и художественно-публицистическая по форме) книга должна быть написана спокойным, выдержанным языком. Академическим языком исторических фактов. Поэтому читатель в моей книге и находит

в первую очередь большое количество фактического материала и минимальное количество интерпретаций либо лозунгов. Моя авторская позиция – максимально объективно изложенные события нашей истории, ну а для тех, кто не может обходиться без идеологических клише, чтобы навесить на всех авторов те или иные ярлыки, дополнительную информацию для размышлений даст данное предисловие к четвёртому изданию книги. Так же моя авторская позиция заключается в том, что читатель имеет право на самостоятельную интерпретацию прочитанного, но при этом он не должен извращать позицию автора или приписывать ему свои собственные фантазии. Я выступаю за уважительный и честный диалог автора и читателя.

В отличие от первых трёх – стереотипных изданий – в данное издание будут внесены некоторые изменения, которые коснутся, прежде всего, ряда итоговых обобщений и выводов. Так же мне удалось включить в книгу небольшое количество новых материалов.

В завершении выражаю благодарность издательству «Директ-Медиа» за благосклонное внимание к моей книге и за помощь в подготовке её нового исправленного и расширенного переиздания. Надеюсь, что новое издание вызовет заинтересованное внимание специалистов и любителей отечественной истории, всех, кто стремится самостоятельно разобраться в нашем историческом наследии, не пытаясь навесить на него идеологические ярлыки и осудить наших предков.

Введение

Сегодня история рабочего класса подчас воспринимается как столь же далекое, безвозвратно ушедшее прошлое, как времена Вавилона или Римской империи. Заговорили о конце рабочей истории как направления современной историографии – зачем изучать то, что утратило актуальность? Однако нашлись энтузиасты, бросившие вызов общему мнению. Их стараниями рабочая история как направление исторического знания была возрождена. Не приходится хоронить и сам рабочий класс. Наоборот, существует потребность понять пути его становления, а также и то, действительно ли он сошел с исторической арены или просто существует в новой ипостаси? И уж совсем неуместна постановка вопроса об исчезновении рабочего класса в России – стране, все еще не перешедшей от индустриального к постиндустриальному обществу.

Пережив крушение коммунистического режима, интерес к истории рабочего класса России начинает постепенно оживать. Внимание историков обращается не только к традиционным, но и к новым проблемам. Среди них можно назвать и протестное движение рабочих на этапе строительства социализма в нашей стране. В советской историографии выступления рабочих против большевистского режима изображались исключительно как негативное явление. Традиция эта берет начало ещё в первых публикациях советских авторов 1920-х гг. Тем же духом неприимности, но теперь по отношению к большевикам, были проникнуты сочинения эмигрантских авторов. В определенном смысле работы 1918–1930-х гг. являлись своеобразным продолжением Гражданской войны, но иными средствами¹. И это не

¹ См., например: *Лебедев В. И.* Борьба русской демократии против большевиков. Нью-Йорк, 1919; *Крутов Г.* Памяти погибших борцов в дни Ижевского восстания // К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье. Ижевск, 1922;

случайно, поскольку авторами этих работ были непосредственные участники событий. Эмоции у них все ещё преобладали над научной строгостью и непредвзятостью.

В 1930-х – начале 1950-х гг. изучение рабочего протеста из-за идеологических препон против большевистской власти фактически сводится на нет. После длительного перерыва интерес к этой проблематике в СССР в какой-то мере оживает, но только после 1956 года. Правда, в это время о существовании конфликтов между советской властью и рабочими говорилось чаще всего вскользь, как бы нехотя, и для историков тема оставалась «неудобной» и «нежелательной»². Документы, отражающие эту сторону истории российского рабочего класса, если и публиковались, то эпизодически и бессистемно. По сути, топталась на месте и эмигрантская историография. После Второй мировой войны ей так и не удалось сформулировать новые подходы и новое понимание событий русской революции 1917 года и последовавшего за ней развития Страны Советов, в том числе и рабочего протеста против теневых сторон советского режима. Историки русского зарубежья продолжают проводить ту же линию, что и прежде, ни на йоту не отказываясь от своих идеологических пристрастий. Вместе с тем выходявшие в эти годы работы становятся своего рода классикой литературы по истории рабочего протеста в большевистской России, особенно что касается работ, посвящённых Гражданской войне³, именно на их фактической и концептуальной базе во многом развивалась не только историография, продолжавшая линию русской зарубежной исторической школы, но и западная историография⁴.

Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.–Л., 1927; *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении. Л., 1927, и др.

² См., например: *Спиридонов М. В.* Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении. 1917–1920 гг. Петрозаводск, 1965; *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974, и др.

³ *Абрамович Р.* Большевистская власть и рабочие весной 1918-го года // Социалистический Вестник. 1960, № 8–9; *Аронсон Г.* Россия в эпоху революции. Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966; *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Сан-Франциско, 1974; *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). Chalidze Publications, 1989, и др.

⁴ См., например: Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж,

Новый этап изучения массовых выступлений рабочих 1917-го – начала 1930-х гг. зарождается уже в 90-х гг. прошлого века, что было тесно связано с произошедшими в России политическими переменами. Выходят новые исследования, посвященные теневым сторонам взаимоотношений рухнувшей власти и рабочего класса. Особенно плодотворно разворачивается изучение рабочего протеста периода Гражданской войны⁵. Появился также ряд интересных, самобытных исследований, затрагивающих развитие протестного движения рабочих в годы НЭПа и социалистической индустриализации⁶. Однако до сих пор проблема взаимоотношений рабочих и советской власти в первые десятилетия ее существования остается почти не изученной.

Нынешнее состояние историографии поднятого в монографии вопроса создает благоприятную возможность при ее написании опираться прежде всего на неизвестные ранее архивные источники. При подготовке рукописи использованы материалы из самых разнообразных архивов: РГА СПИ, ГАРФ, РГАЭ, РГВА, ЦГИАМ, ЦАОДМ, ЦЦНИ УР, ЦГА УР, ГАИО, ГАТО и др. Основную часть архивных материалов, вводимых в научный оборот впервые, составляют документы ЦА ФСБ РФ. Кроме архивов при работе над монографией широко использовались имеющиеся опубликованные источники, как выходившие в нашей стране, так и за рубежом. Важным подспорьем при изучении

1981; Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж, 1982, и др.

⁵ См., например: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992; *Павлов Д. Б.* Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов. 1917-й – середина 1950-х годов. М., 1999; *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999, и др.

⁶ См., например: *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998; *Бехтерева Л. Н.* Рабочая оппозиция и переход к нэпу (на материалах Удмуртии) // Антибольшевистское повстанческое движение. Белая гвардия. Альманах № 6. М., 2002; *Камардин И. И.* Забастовки на государственных предприятиях в Среднем Поволжье в 1918–1929 гг. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Под ред. А. В. Буэгалина, Д. О. Чуракова, П. Шульце. М., 2002; *Журавлев С., Мухин М.* – «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004, и др.

особенностей рабочего протестного движения конца 1917-го – начала 1930-х гг. явилась периодика тех лет.

Берясь за подготовку этой книги, автор ставил перед собой цель привлечь внимание к затронутым в ней проблемам не только профессиональных историков, но и широкие круги читающей публики. Это представляется важным, поскольку многие причины, механизмы и условия, приводившие к острым трудовым и социальным конфликтам в прошлом, никуда не исчезли. Без внимательного взгляда в прошлое невозможно решить многие наши сегодняшние проблемы.

Первое испытание: «однородное социалистическое правительство» глазами рабочих

Уже находясь в эмиграции, крупный меньшевистский деятель, в дальнейшем историк П. Гарви, доказывал, что «роль рабочих организаций... в подготовке октябрьского переворота не была ни решающей, ни преобладающей, ни направляющей, но все же несомненной и существенной». Попытки меньшевиков отрицать подавляющее влияние большевиков среди рабочих в период Октября понятны. Им сложно было смириться со своим двойным поражением: не только политическим, но и доктринальным. Вместе с тем и попытки самих большевиков рисовать свои отношения с рабочим классом исключительно в радужных тонах являются обычным пропагандистским клише. Уже в первые часы после победы большевиков в столице становится ясно, что отношение пролетарских организаций к событиям в Петрограде не так уж и однозначно. Особую тревогу большевиков на этом этапе становления их режима вызывало поддержанное многими рабочими требование *«однородного социалистического правительства»*. Что крылось за этой позицией рабочих?

Лозунг «однородного социалистического правительства» в советской историографии традиционно отождествлялся с позицией Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожных рабочих и служащих – Викжеля. И действительно, Викжель наиболее решительно и последовательно выступал за его реализацию. Именно на примере союза железнодорожников легче всего попытаться разобраться и в природе лозунга об «однородном социалистическом правительстве», и в том, что вкладывали в него сами рабочие.

Трения между большевиками и Викжелем обнаружились уже в ходе вооруженного восстания в Петрограде, непосредственно на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. На заключительном заседании съезда, начавшем работу в час ночи 27 октября 1917 г., слово для «внеочередного заявления» потребовал делегат от Викжеля. «Власть должна быть социалистической и революционной властью, – заявил он, – ответственной перед авторитетными органами всей революционной демократии. Впредь до создания такой власти союз железнодорожников, отказываясь перевозить контрреволюционные отряды, направляемые в Петроград, в то же время воспрещает своим членам исполнять какие бы то ни было приказания, не утвержденные Викжелем. Викжель берет в свои руки все управление российскими железными дорогами». Как вспоминал присутствовавший на этом заседании съезда американский левый журналист Дж. Рид, «конец этой речи почти потонул в яростной буре общего негодования». Вместе с тем, если внимательно проанализировать сделанное представителем железнодорожников заявление, то станет ясным, что главным в нем являлся вовсе не отказ Викжеля признать права съезда и созданного им однопартийного большевистского правительства. Не является таковым даже само требование коалиционной революционной власти: это для железнодорожников скорее средство, а не цель. Целью же для них служил, и это совершенно очевидно, захват власти над железными дорогами в свои руки. При этом Викжель как бы объявлял себя такой же составной частью государственной власти, как и сам съезд, и вступал с ним в равноправный диалог. Как и в случае с передачей политической власти Советам, происходила легализация уже существовавшего положения, когда профсоюз железнодорожников уже при Временном правительстве осуществлял некоторые функции, присущие государству. Тем самым Викжель не только шел в русле Октябрьской революции и решений II съезда Советов, но и существенно расширял границы их применения.

Совпадение в отдельных вопросах позиции Викжеля и большевистского руководства могло стать почвой для взаимодействия. Однако события пошли по другому, конфликтному сценарию. На призывы войти в Совнарком Викжель ответил отказом. Через

пару дней, 28 октября 1918 г., Викжель принимает постановление о своем нейтралитете. Союзом в жесткой форме выдвигается требование «однородного социалистического правительства, представляющего все социалистические партии, от большевиков до народных социалистов включительно». На следующий день, 29 октября, эта позиция была обнародована на заседании ВЦИК. Руководство профсоюза железнодорожников бралось стать посредником «в переговорах о реконструкции власти и подведении под нее более широкого базиса». В случае если политические партии не прислушаются к его позиции, Викжель грозил в ночь с 29 на 30 октября 1918 г. начать всеобщую политическую забастовку. В своей телеграмме за № 1163 Викжель ультимативно потребовал прекращения Гражданской войны и согласия на все предъявленные ранее требования железнодорожников.

Разъясняя позже на Всероссийском железнодорожном съезде позицию руководства Викжеля, председатель союза А. Малицкий говорил: «Мы не могли встать на сторону Совета Народных Комиссаров, ибо, как я уже имел честь вам доложить, этот СНК не являлся органом правомочным... Но мы не стали и на сторону Комитета Спасения Родины и Революции, ибо этот комитет ставил своей задачей поддержку павшего правительства [Керенского]». С целью достижения компромисса Викжель организовал переговоры между представителями конфликтующих сторон, которые начались в 19 часов 29 октября 1917 г. в помещении союза железнодорожников; в них приняли участие, не считая представителей Викжеля, 26 человек от восьми партий и девяти демократических организаций.

Тем самым позиция Викжеля не может быть безапелляционно названа, как это делалось в советской историографии, антибольшевистской. Наоборот; по свидетельству одного из участников переговоров, организованных Викжелем, в антибольшевистском лагере позиция железнодорожников была воспринята как потворство большевикам. Все были уверены, что союз встал на их сторону и под маской «нейтральности» намеревается нанести удар по лагерю Керенского. Стоит добавить, что в ходе самих переговоров, когда выявилось резкое неприятие со стороны некоторых правых социалистов идеи вхождения в

новое правительство большевиков, не кто иной, как председатель Викжеля Малицкий, заявил буквально следующее: «Организуя однородное социалистическое правительство, мы отвергли представителей цензовых элементов. Большевики являются представителями большей части рабочего класса. Раз дают представительство в правительстве крестьянам, то необходимо допустить представительство и рабочих, большое количество которых находится в рядах большевиков». Кроме этого, Малицкий, как бы между прочим, отметил, что «с юридической стороны не является необходимым обязательность преемственности власти из рук Керенского».

Еще в меньшей мере, чем антибольшевистской, можно назвать позицию железнодорожников антисоветской. Уже на своей учредительной конференции 6–22 апреля железнодорожники высказались, что решения Советов – это «изъявление воли всего пролетариата и трудящихся». Несколько позже, в июле 1917 г., лозунг «Вся власть Советам» был «выброшен на Николаевской дороге и прокатился по целому ряду дорог». Как показали исследования Д. Рейли, такая позиция местных отделений профсоюза бесспорно сыграла крайне важную роль в подъеме революционных настроений на местах. При этом, разумеется, понятно, что политические настроения в профсоюзе железнодорожников были самыми разнообразными: от крайне левых до откровенно реакционных. Особенно силен антибольшевизм был в верхушке некоторых отделений союза. Так, московское руководство Викжеля в своих депешах категорически заявляло: «Работа с большевиками для нас не представляется возможной». Но именно этот радикализм московских руководителей и привел к расколам среди профактива железнодорожников ЦПР. В частности, против контрреволюционных действий своего начальства высказались мастеровые и ремонтники станции «Москва» Курской железной дороги.

Тем самым объективно позиция Викжеля в первую очередь была направлена на расширение социальной базы новой революционной власти, а не на ее свержение. Такой подход гарантировал бы рабочим организациям сохранение завоеванных в предшествующие месяцы прав, в том числе закрепление права

влиять на политику организованного Советами правительства. Дальнейшее развитие событий весьма показательно. Ощувив бесплодность своей примирительной линии, железнодорожники пошли на снижение остроты своего противостояния с новой властью. Как только обозначилась правительственная коалиция большевиков и левых эсеров, Викжель принимает специальную декларацию о признании ВЦИК нового созыва и о согласии работать в Совнаркоме. Эта платформа была положена в основу официальной деятельности союза и публичных заявлений его лидеров. Тем самым, после длительных колебаний, когда все же пришлось делать выбор, железнодорожники поддержали радикальный революционный лагерь. Принадлежность к нему сулила немедленные политические и материальные приобретения.

Эволюцию, проделанную Викжелем в первые недели после установления советской власти, в той или иной форме повторили и многие другие рабочие организации, поначалу так же выставлявшие свои требования ленинскому Совнаркому, хотя большевики и старались представить дело таким образом, будто речь идет исключительно о конфликте между рабочими и буржуазией. Так, с поддержкой идеи создания коалиции 5 ноября 1917 г. выступил Союз петроградских металлистов, относившийся к числу наиболее большевизированных. В принятой им резолюции так и звучало: «Единственным способом закрепления победы пролетарско-крестьянской революции является создание правительства из представителей всех социалистических партий». За создание власти, объединяющей все советские партии, высказались московские металлисты. Даже Петроградский совет профессиональных союзов 31 октября 1917 г. выступил за организацию однородной социалистической власти. На состоявшемся в этот день заседании ПСПС прошло бурное обсуждение текущего положения дел в стране. В выступлениях Бинштока и Назарьева звучали призывы поставить правительство под рабочий контроль. В результате баллотировки 36 голосами «за» при 10 голосах «против» была поддержана резолюция А. Лозовского. В ней подчеркивалась необходимость учесть интересы партий, покинувших II съезд Советов, и звучало требование создать правительство «из представителей всех социалистических партий»

от большевиков до народных социалистов включительно». Эта позиция, в силу авторитета петроградского центра профсоюзов, стала, даже по определению советских историков, как бы «общепрофессиональной платформой». П. Гарви писал о ней как о последней попытке профсоюзников спасти демократическую основу власти, хотя бы и в сильно урезанном виде. Ради поставленной цели Петроградский совет союзов, подчеркивал историк, не побоялся бросить на чашу весов все свое влияние и авторитет.

За «однородное социалистическое правительство» выступил народный комиссар труда А. Г. Шляпников – единственный «рабочий от станка», оказавшийся после «пролетарской революции» в Совнаркоме. В совсем недавнем прошлом Шляпников сам являлся профсоюзным лидером, знал настроения рабочих не понаслышке. Став членом Советского правительства, он не изменил свои прежние взгляды и продолжал отстаивать позицию, общую для наиболее влиятельных рабочих организаций. Так же как и руководители союза металлистов, с которым Шляпников был связан наиболее тесно, и других профессиональных союзов, в создании однородного социалистического правительства он видел наиболее реальную перспективу для преодоления экономического кризиса и улучшения материального положения рабочих.

Идея коалиции социалистов была поддержана не только профсоюзами, но и самыми массовыми на тот момент органами рабочего самоуправления и рабочего контроля – фабзавкоммами, а также непосредственно трудовыми коллективами через общезаводские собрания, которые выражали волю рабочих ещё более непосредственно, поскольку представляли собой механизм осуществления прямой демократии. «Меньшевистскую резолюцию» 9 ноября приняло рабочее собрание на Московском заводе бр. Бромлей. Первоначально оно было созвано для «обсуждения вопроса о создавшемся затруднительном положении в связи с задержкой уплаты жалованья рабочим». Но накал событий был таков, что рабочие переключились на вопрос о политической ситуации. «Меньшевистской» же принятая ими резолюция была названа за то, что в ней рабочие поддержали выступившего на собрании меньшевика Гольде, который требовал «восстановле-

ния единого фронта демократии и создания общесоциалистической власти», хотя руководство меньшевиков на тот момент в большей мере стремилось осудить «большевистскую авантюру», чем восстанавливать с ними «единый демократический фронт». Телеграмма с поддержкой в адрес Викжеля поступила от Обуховского завкома.

Не была чужда идея союза между социалистами многотысячному рабочему коллективу Путиловского завода. Рабочими-путиловцами была принята резолюция, требовавшая создать коалицию социалистических партий на советской платформе, т. е. на платформе II съезда Советов. Для распространения своей позиции путиловцы сформировали несколько делегаций, которые были направлены на другие фабрики и заводы города, в Центральные комитеты социалистических партий, ещё 19 человек были делегированы на переговоры, устроенные Викжелем. Член завкома крупнейшего в стране металлургического предприятия Рудненко так разъяснял позицию, занятую путиловцами: «Приближающийся голод, – говорил он, – заставил рабочих Путиловского завода требовать единого социалистического правительства».

В начале ноября призвал «немедленно организовать единую демократическую власть» (поскольку в противном случае межпартийные распри могли привести не к чему иному, как к гражданской войне) московский губернский совет фабрично-заводских комитетов. С призывом о мире обратился к конфликтующим сторонам городской совет фабзавкомов столицы. Свое несогласие с линией ЦК РСДРП (б) по вопросу о союзе с другими социалистическими партиями выразил и Центральный совет фабрично-заводских комитетов, в том числе его председатель, виднейший деятель фабзавкомовского движения Н. И. Дербышев. В обнародованной 31 октября 1917 г. специальной резолюции об организации власти ЦС ФЗК прямым текстом указывал на «необходимость создания однородной социалистической власти на основе советской программы». Резолюция требовала от сторон немедленного примирения. Партии, которые бы не пожелали принять участие в соглашении, в резолюции заранее объявлялись «изменниками и предателями революции и страны».

Если уж рабочие организации, возглавляемые самими большевиками, ставили вопрос о необходимости единой коалиции социалистических партий, то несложно представить решительный настрой тех профессиональных союзов, во главе которых находились эсеровские и меньшевистские деятели и которые в целом держали равнение направо. В этом отношении показателен пример взаимоотношений большевиков с профсоюзом печатников, которые изначально имели драматичный характер. Вскоре после прихода к власти большевики пошли на закрытие оппозиционной прессы. Они не были первыми, кто «во имя революции» решился на запрещение оппозиционных газет. Еще 5 марта 1917 г. Исполком Петросовета, возглавляемый тогда Н. С. Чхеидзе, постановил «воспретить выход в свет всем черносотенным изданиям». Позже, 12 июля, ставшее к тому времени коалиционным Временное правительство предоставило право военному министру и министру внутренних дел (т. е. социалистам А. Ф. Керенскому и И. Г. Церетели) закрывать без суда и следствия газеты, выступающие против войны. Над редакторами этих газет нависала угроза судебных репрессий. Именно на основании этого постановления в свое время была закрыта большевистская газета «Правда», другие левые издания.

После своей победы теперь уже сами большевики посчитали возможным отплатить вчерашним притеснителям той же монетой. Большевикам их действия по ограничению свободы печати представлялись всего лишь временными мерами, рассчитанными на период обострения классовой борьбы для «пресечения потока грязи и клеветы» против «революционной армии». Но рабочие-печатники ситуацию понимали иначе. Во-первых, печатники в свободе слова видели одно из важнейших достижений всей революции. Во-вторых, ограничение этого права означало сокращение возможностей цехового самоуправления печатников, сужало сферу их трудовой деятельности. С бытовой же точки зрения, закрытие газет означало для рабочих печатного дела безработицу и голод. Печатники очень четко осознавали это. Поэтому лозунг однородного социалистического правительства приобретал для них дополнительный смысл.

Печатники, и раньше славившиеся своими прочными демократическими традициями, и теперь отказались выступать в роли статистов. Признавая, что остальные рабочие в основном действительно шли за большевиками, руководители союза горделиво заявляли, что печатники «в своем громадном большинстве чужды авантюристической политике заговорщиков». Печатники, так же как и железнодорожники, встретили наступления на их права серьезным сопротивлением. 30 октября правлением Петроградского союза рабочих печатного дела принимается специальная резолюция. В ней требовалось: немедленно прекратить братоубийственную бойню; восстановить свободу печати; заключить соглашение всех социалистических партий о власти. В случае невыполнения их требований печатники Петрограда грозились употребить все имеющиеся в их распоряжении средства для давления на противоборствующие стороны.

Не менее активны оказались и их московские собратья по цеху. В передовице органа московского союза «Печатник» на следующий день после петроградских событий утверждалось, что большевистская победа не есть ещё победа рабочих. Автор передовицы, бывший первый председатель ВЦСПС М. Г. Гриневич, подчеркивал, что власть перешла в руки Советов лишь формально, а фактически она оказалась в руках узкой группы партийных функционеров. Позиция Гриневича вообще заслуживает особого внимания. Будучи избранным на III Всероссийской конференции профсоюзов председателем временного ВЦСПС, он встретил Октябрь резко враждебно и демонстративно сложил с себя свои полномочия. Им было направлено заявление в секретариат Московского совета профсоюзов. В этом документе Гриневич подчеркивал: «До Октябрьских дней я оставался в секретариате, но после Октябрьских дней на следующий день после бойни, которая была в Москве, я послал письмо Совету, в котором заявил, что в заговор чешской организации, как деятель профессионального движения, принимать участия не буду и не принимал». Гриневич Октябрьскую революцию называл «разбойным нападением».

Не остались в стороне и рядовые члены союза. Уже 30 октября рабочими Сытинской типографии принимается резолюция против гражданской войны и за единство рабочих. В ней также

звучало расхожее в те дни и знакомое из документов Викжеля требование «единого революционного фронта». Резолюция была одобрена большинством в 1000 голосов против 30. Против единовластия большевиков и за «единство всей революционной демократии» выступили в те дни и рабочие типографии Кушнарева. Здесь соответствующая резолюция была принята вообще единогласно. Эту позицию печатники отстаивали и потом.

Газета московских меньшевиков в то время писала: «Рабочие и служащие московских газет, оставаясь верными славным заветам и традициям рабочего класса и демократии, считают свободу печати элементарнейшим правом демократического государства, одним из основных завоеваний революции». Неслучайно поэтому руководство московских печатников не смирилось с создавшимся положением и тогда, когда первый кризис Советского правительства, казалось бы, близился к завершению. Оно по-прежнему настаивало на том, что именем рабочих «совершается величайший и позорнейший в истории обман», «отнимаются у русского народа... завоеванные им кровавыми жертвами политические свободы». Победу большевиков руководители московских печатников склонны были объяснять слабостью «самого рабочего движения, оторванностью верхушек его [организаций] от гущи рабочих масс, отсутствием традиций классового рабочего движения». Печатники продолжали настаивать, что поддержка прочими профсоюзами большевиков «в корне подрывает дальнейшее развитие профессионального движения». По их мнению, вера рабочих в большевизм уходила корнями в традиционную для России веру в добрую власть.

Непросто после Октября 1917 г. складывалась ситуация и во Всероссийском исполнительном комитете союза служащих и рабочих на водных путях. Она в значительной мере повторяла ситуацию в Исполкоме союза железнодорожников. Ее анализ многое проясняет в действиях и других профессиональных союзов, попытавшихся занять нейтральную позицию. 7 ноября 1917 г. состоялось первое его заседание после победы большевистской революции. Оно было посвящено исключительно последним политическим событиям. На этом заседании было одобрено воззвание «Всем окружным комитетам, делегатским

съездам и советам и районным комитетам». В нем говорилось о том трагическом положении, в котором, по мнению Исполкома союза водников, оказалась страна. Руководство союза видело две причины сложившегося положения. Во-первых, речь шла о безответственной тактике «вождей петроградского большевизма», поднявших часть рабочих и солдат на мятеж за две недели до созыва Учредительного собрания за спиной большинства полномочных органов революционной демократии и социалистических партий. Во-вторых, столь же критически говорилось и о непримиримой позиции, занятой Комитетом спасения Родины и Революции.

Свои взгляды на будущее развитие революции водники готовы были отстаивать всеми имеющимися в их распоряжении средствами, включая самые действенные. В резолюции союза было заявлено: «если борющиеся стороны, забывая долг перед Родиной и Революцией, не прекратят гражданской войны, не проявят уступчивости для создания однородной социалистической власти», то Виквод «призовет всю революционную демократию на водных путях, всех рабочих и служащих к прекращению работ, чтобы вслед за ж[елезно] д[орожной] забастовкой последовала забастовка и на водных путях». В то же время, и это следует подчеркнуть, в документе выражалась уверенность в том, что на практике «до крайней меры дело не дойдет». Более того, центральный орган союза водников предостерег местные организации от вполне вероятных в те напряженные дни самочинных выступлений. В резолюции от 7 ноября в связи с этим специально разъяснялось: «До призыва Всероссийского комитета [союза служащих и рабочих на водных путях] к организованной забастовке вместе с ж[елезно] д[орожниками] работы на местах не должны прекращаться ни на секунду, рабочие и служащие должны работать со всем напряжением энергии. Всякое неорганизованное прекращение работ до призыва Комитета необходимо считать сепаратным выступлением, увеличивающим анархию и гибельным для страны и революции».

Понятно, что самостоятельность союза водников мало кому могла оказаться по вкусу. Точно так же, как и в случае с Викжелем, союз служащих и рабочих водного транспорта из-за своей

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru